

М. А.
КУЗМИН

Избранное



Михаил Алексеевич Кузмин

Анатолий Франс

Серия «Заметки о литературе», книга 7

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=311592

Михаил Кузмин «Стихи и проза»: Современник; Москва; 1989

Аннотация

Критическая проза М. Кузмина еще нуждается во внимательном рассмотрении и комментировании, включающем соотнесенность с контекстом всего творчества Кузмина и контекстом литературной жизни 1910 – 1920-х гг. В статьях еще более отчетливо, чем в поэзии, отразилось решительное намерение Кузмина стоять в стороне от литературных споров, не отдавая никакой дани групповым пристрастиям. Выдаваемый им за своего рода направление «эмоционализм» сам по себе является вызовом как по отношению к «большому стилю» символистов, так и к «формальному подходу». При общей цельности эстетических взглядов Кузмина можно заметить, что они меняются и развиваются по мере того, как те или иные явления становятся историей. Так, определенную эволюцию претерпевают взгляды Кузмина на искусство символическое, которое он в 20-е гг. осмысляет более широко и более позитивно, чем в статьях 10-х гг. Несомненно, что война 1914 г.

усилила в нем его «франкофильство» и отрицание немецкой культуры как культуры «большого стиля». Более многогранно и гибко он оценивает в 20-е гг. Анатоля Франса как типичного представителя латинской культуры. Мы предлагаем вниманию читателя несколько статей разных периодов, отчасти собранных в сборнике «Условности». Остальные статьи – из различных альманахов, журналов и сборников

Михаил Кузмин

Анатоль Франс

Выражаясь пышно, можно было сказать про смерть Анатоля Франса: «Умер последний француз». Это было бы верно, если бы понятие о французе не изменялось, как все вообще понятия, иногда даже выходя из своей периферии.

Франс – классический и высокий образ французского гения, хотя в нем гармонически соединяются свойства, взаимно уничтожающие как бы друг друга. Может быть, существует закон, что качество, доведенное до предела, переходит в противоположное.

Будучи связан глубочайшими и цепкими корнями с французской национальностью, Франс утончил и расширил этот национальный элемент до всемирной интернациональности.

Будучи мыслителем антирелигиозным, во всяком случае, противоцерковным, Франс только и делает, что почерпает вдохновение и мысли из церковной старины и церковных догматов.

Насмехаясь над различными методами историографии, он прибегает к ним же в своих произведениях, носящих исторический характер.

Принципиальный нарушитель традиций, Франс свято и нерушимо соблюдает их.

Враг, в качестве скептика, всяческого фанатизма и энту-

зиазма, он в самую вражду вносит известную горячность. Хотя, конечно, горячность – наименее подходящее определение для творчества Франса. Теплота, гуманность, либерализм, ирония, сострадание – вот качества, которые вспоминаются, когда произносят имя Франса. Слова не холодные, не горячие – теплые, поддерживающие по-человечески жизнь, но не толкающие на действие. Немыслимые при катастрофах. Во времена Апокалипсиса в действующий его момент Франса «извергли бы из уст», как ангела Лаодикийской церкви, который именно был ни горяч, ни холоден. Апокалипсису такие люди не годятся, так же как всяческие Апокалипсисы подобным людям не могут быть по душе. Это не та атмосфера, где бы они чувствовали себя, как рыба в воде. Так называемые эпохи упадка, предшествующие взрывам, – подходящее время для скептицизма; выветрившиеся балки поддержат ветхое здание, ветер, наверное, уже веет, но недостаточно силен, можно говорить и «да», и «нет» или ни «да», ни «нет» и объективно не приходиться ни к какому выводу. Не только война требует воинственных людей, а всякое определенное и сильное действие. Франс был человеком глубоко штатским и словесником. Православие отвергает догмат о чистилище (ни да, ни нет), но на иконах страшного суда иногда изображают души в виде нагого человека, дрожащего в воздухе, грехи не допускают его в рай, а добрые дела спасают от ада. В таком виде представляется мне и Франс. Только он не дрожит, а устроил висячий сад Эпикура и рассуж-

дает умно и либерально о всяческих вещах, пока трубный рев последнего суда не заглушит человеческих слов и не потребует звериного или божественного вопля. Вопля, конечно, Франс не пустит. Не захочет, да и не сможет. Но покуда достаточны интеллектуально человеческие качества – блеск, человечность и ширина мысли, понимание, мягкость, отзывчивость, прелесть и блеск величайшего человеческого таланта, гармония и равновесие, – Франс не имеет себе равных. Искать определенного ответа у него – предприятие, заранее обреченное на неудачу. Приходит на ум анекдот о мудреце, у которого ученик спрашивал совета: жениться ему или не жениться. «Поступай как хочешь, все равно будешь раскисаться». Франс на все ответил бы: «Поступай как угодно: все равно ошибешься». Ошибки и затруднения он всегда видел зорко и тонко, но затруднился бы указать, где их нет. Он ничего не взял бы на свою ответственность. Он охотно поможет разрушать, но остережется положить кирпич в новую стройку. Если же и положит, то всегда будет сомневаться – не строит ли он вновь только что разрушенное здание. Зданий же, которые бы не подлежали разрушению, по его мнению, нет.

На время не стоит труда,
А вечно любить невозможно.

А покуда что с улыбкой смотреть, как рушатся карточ-

ные домики страстей, желаний, философских учений, правлений, империй и солнечных систем. Приблизительно все – одинаковой важности с известной точки зрения. Конечно, это очень безнадежно. Но если рассуждать логически, то, прежде всего, всем нужно повеситься, а там видно будет. Франс же рассуждает по большей части логически, ужасно логически, убийственно логически. И тем не менее вешаться от него не хочется. Не потому, что веревку он предлагает с кротчайшей улыбкой, и даже намылил эту веревку, а потому, что помимо человеческого ума, «все понимающего» печальной логикой, в нем есть что-то, что все это живит. Скептик, атеист, разрушитель и т. п. – все это в нем есть, но отчасти все это – позиция, маска, скрывающая самое ценное, чего Франс никогда не открывал, чего стыдился целомудренно, от чего, пожалуй, отрекся бы в пользу старого скептического сюртука. Может быть, это – любовь, я не знаю и не хочу выведывать тайны. Но она-то и держит всю постройку Франса, несмотря на его извиняющиеся усмешки. Иногда, как в «Восстании ангелов», он совсем близко к ней подходил, слово готово сорваться с губ, но он опять делает диверсию в сторону, снова стыдится, снова – ни да, ни нет. Намек на ключ дается «Святым Сатиром», которого автор едва ли не отождествляет с самим собою.

Обычные личины автора: аббат Куаньяр, г. Бержере, маленький Пьер. В лице ребенка Франс противопоставляет общепринятому здравому смыслу еще более здравый смысл,

природный и наивный. Наивность, разумеется, полемический прием, похожий на полемические приемы Льва Толстого, представляющегося, когда ему было нужно, окончательно бестолковым. Следующая стадия полемической наивности – собачка Рикэ – та же личина Франса. Все личины, как и все почти романы, – поводы к рассуждениям. Круг интересов Франса очень велик, и он не упускает случая высказать свое суждение, привести по-своему освещенную цитату, рассказать забытый и едкий анекдот. В этом отношении любопытнейшим образчиком новой формы беллетристического произведения могут служить четыре тома «Современной истории». Конечно, это не романы и не один роман в четырех книгах. Это фельетоны, экскурсия в историю, богословие, этнография, картины нравов. Чуть намеченная двойная фабула борьбы за епископскую кафедру и семейная история г-на Бержере тонет в отступлениях и злободневных диатрибах. Некоторые страницы так ценны для Франса, что он их почти без всяких изменений повторяет в нескольких книгах. Настойчивость эта не всегда соответствует характерности данных мест в творчестве Франса.

Энциклопедизм Франса – большая его начитанность. Великий начетчик. Отсутствие системы в его чтении придает его знаниям свежесть и ширину, но вместе с тем, конечно, роднит его с компиляторами античности, вроде Авла Геллия. Система эта, будучи доведена до попуризаторского абсурда, безусловно приводит к отрывному календарю со све-

дениями на каждый день. Для чтения Франса будет необходим предметный указатель и список упомянутых авторов. «Мнения аббата Куаньяра» и «Сад Эпикура», совершенно лишенные фабулы, не так отличаются от его романов, как этого нужно было бы ожидать. Новой же формой является «На белом камне», произведение безусловно поэтическое, беллетристическое, но отнюдь не роман в общепринятом значении этого слова.

Цитата, вырванная из книги, живет отдельно, иногда более значительной, чем оставленная в надлежащем месте, жизнью. Она дает простор воображению и раздумью. Эпиграфом взятые строчки из произведений весьма сомнительной значительности впечатляют и волнуют. Странное психологическое это явление Франсу хорошо известно, и он им в свою очередь блестяще пользуется, тем более что прием недоговоренности при внешней ясности производится автором как принцип.

Франс видит четко на близком расстоянии, словно физически близорукий человек. Отсюда отсутствие больших линий. Фантастика, вообще несвойственная латинским расам, слабо проявляется и у Франса. Пользование готовыми мифологическими или легендарными фигурами, вроде ангелов, нимф и сатиров, за фантастический элемент принимать, разумеется, не следует. Легкие отклонения в сторону патологии и телепатии не могут идти в счет. Франс – гений, в высшей степени естественный. Только силою таланта он

свою обыкновенность делает необыкновенной в противоположность гениям другого состава, накладывающим миру их неестественность как естественность.

Утопических мечтаний у Франса немного, и все они похожи на сказку о белом бычке. Так и в «Белом камне», и в «Острове пингвинов» картина социалистического строя кончается анархическими восстаниями, выступлением цветных рас, разрушением, одичанием и снова медленным ростом той же самой культуры. Закон связи между доведенными до предела противоположностями особенно ясен в «Восстании ангелов», где тотчас после победы Люцифера над Иеговой, небожитель делается угнетателем, а сверженный деспот – угнетенным бунтовщиком, так что приходится внешнее восстание перенести внутрь себя и каждому в себе низвергать своего собственного Иегову, что, конечно, и труднее, и легче. Перенесение центра тяжести всякого освобождения в область мышления и чувства, а не общественных и государственных условий, отчасти соприкасается с толстовским учением, отчасти повторяет «познай самого себя» древних греков, что может служить или приглашением к плоскому и материальному изучению анатомии и биологии или отводить в мистически безответственные дебри. И все-таки эта формула, похожая на двусмысленное изречение оракула, была, может быть, единственным утвердительным положением Франса.

Умышленное уничтожение больших обобщающих линий и перспектив в изображении исторических эпох и событий

ведет к низведению героизма и к героизации (хотя бы в потенции) ежедневной современности. Ничтожность причин, грандиозность последствий и наоборот. Мимоходом вспомним «Войну и мир» Толстого (Наполеона, Кутузова) и заметки Пушкина по поводу «Графа Нулина». Что, если бы Лукреция просто съездила по морде Тарквиния? Для Франса многие Тарквинии не более как графы Нулины, и история приобретает необыкновенно едкий, близкий и современный характер. У мелочей же нашей жизни вдруг появляются проекции во всемирную историю.

Подобное отношение к истории можно встретить уже у Нибура и, конечно, у Тэна, чей сухой и разъедающий дух был очень близок Франсу. Тэна вообще можно причислить к учителям Франса.

Вольтер, Тэн и Ренан.

Салонное, присяжное зубоскальство, аналитическое, разъедающее уничтожение идеалистических обобщений и семинарский, клерикальный бунт против церкви, главным образом как общеизвестного института. Вольтер, Тэн и Ренан влияли и на стиль, и на язык Франса.

Ясная, меткая, ядовитая фраза, смелость которой всегда сдерживается социальностью; сухие и четкие определения, нарочито и убийственно материалистические и, наконец, сладостное витийство, мед и елей, когда французский язык обращается в орган, арфу и флейту, церковные светские проповеди и надгробные речи, Боссюэ, Массийон и

Бурдалу – сладкоречивый Ренан.

Романы Вольтера – предки по самой прямой линии многих рассказов Франса («Рубашки») и даже эпопеи «Остров пингвинов».

Не только «Боги жаждут» примыкают непосредственно к тэновскому «Происхождению современной Франции», но и к своему времени Франс применяет отчасти тот же метод. «Тома Грандорж», единственный беллетристический опыт Тэна, оказал безусловное влияние на некоторые произведения Франса.

Ренану же Франс обязан, помимо сладчайшего гармонического языка в лирико-философских местах, живописью пейзажей и местной атмосферой (сравн. начало «Жанны д'Арк» с палестинскими пейзажами Ренана).

Объекты нападений и насмешек Франса в области гуманитарной: метод историографии, метод этнографии и толкование фольклора и легенд. Блеск и игра его ума и воображения в данных случаях не имеют себе равных. Но, как он сам неоднократно повторял, старые предрассудки сменяются только новыми предрассудками же. Так и на место осмеянной им истории, этнографии и легенд он ставит собственные, правда очаровательные, легчайшие, но все же сказки и фантазии.

Из учреждений общественных, ненавистных Франсу (хотя ненависть – слишком горячее для него чувство), – суд, церковь и государство. Разбирает он их готовыми, как они

существуют, следовательно, он – антиклерикал и социалист. Но мое мнение, что он не признает их, по существу, вообще, как всякое самоутверждающее явление. Невоинствующий анархист, может быть, наиболее точное определение Франса. Элементы анархизма и коммунизма он усматривает в младенческом периоде христианства и из личности Франциска Ассизского («Человеческая трагедия») делает фигуру, весьма показательную для своего мироощущения.

Ни горячий, ни холодный, теплый. Таким Франс пронес себя до конца, удивляя мир, как может быть человек такой значительности и высоты улыбающимся и рассуждающим свидетелем. Тут-то и заключается загадка Франса, столь неподходящего для роли человека с загадкой. Не столько загадка, сколько фигура умолчания. Невысказанные слова. Намеки даны, очень осторожные, но даны. А между тем это слово и держит Франса на недостижимой высоте. Может быть, оно окажется совсем простым и обманет многие разноречивые мнения об великом писателе.